

Алексей К. Смирнов
Мо-Менты
(Московские менты)

Милицейские хроники

Алексей Смирнов

Мо-Менты (Московские менты)

«Издательские решения»

2015

Смирнов А. К.

Мо-Менты (Московские менты) / А. К. Смирнов —
«Издательские решения», 2015

Правдоподобные истории из будней столичной милиции, любезно предоставленные автору бывшим оперуполномоченным Романом Мельниковым.

Содержание

1. Хроническое вдохновение	6
2. Свои среди чужих и чужие среди своих	7
3. Кошунство	8
4. Зову я смерть – мне видеть невтерпеж	9
5. Имидж – ничто, жажда – все	10
6. Изолятор дяди Тома	11
7. Все флаги в...	12
8. Репа	13
9. Високосный год	14
10. Йодная сеточка	15
11. Импортные тараканы	16
12. Если где-то человек попал в беду	17
13. Кого ты хотел удивить?	18
14. То ли люди, то ли куклы	19
15. Операция «Арсенал»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мо-Менты (Московские менты)

Милицейские хроники

Алексей Константинович Смирнов

Цикл создан при непосредственном участии Романа Мельникова.

© Алексей Константинович Смирнов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Про милицию, как и про армию, что ни напишешь – все хорошо.

Про медицину труднее, потому что примешивается абстрактный гуманизм, который побуждает приукрасить действительность. Зато в историях про милицию любой гуманизм приобретает юмористический привкус.

Все, что последует за этим предисловием, соорудилось благодаря оригинальным идеям моего брата Романа Мельникова, бывшего московского мента, земельного опера, а ныне – уважаемого адвоката.

Почти все имена и фамилии подлинные, но вот кто, что и в какой последовательности сказал и сделал – уже додумано.

В том, что оперативные события тесно и порой неожиданно соприкасаются с медицинскими, нет ничего странного, потому что клиенты у нас одни и те же.

1. Хроническое вдохновение

Мой брат Роман Мельников живет с родителями: моим дядей и, соответственно, с моей тетей.

Поэтому дядя хорошо ориентировался в интимной жизни местного отделения милиции, где Роман был на хорошем счету и занимал первое место по раскрываемости районных злодеяний. Секрет успеха будет виден из дальнейшего.

Дядя без усталости сочинял следственно-розыскные стихи:

«В отделении беда! Оперов зажопили!
Потому что опера обезьянник пропили!»

Есть и стихи более подробные, с элементами психологического профилирования:

«После пятого стакана
Есть идеи у Романа:
«Лучше будем водку пить,
Чем преступников ловить!»
У Романа нет идей,
Кроме водки и блядей».

Вообще, настоящий опер должен быть похожим на тех, кого он ловит. Этого требуют оперативные соображения, и Роман весьма успешно маскировался.

У Трех Вокзалов ему неоднократно предлагали сексуальные услуги. Роман хмурился и отказывался.

– Для отсидевших – скидка! – кричали ему вдогонку.

2. Свои среди чужих и чужие среди своих

Как легко догадаться, дядя сочинял стихи не на ровном месте.

Однажды возникла мысль захватить матерого, опасного отброса, злого негодяя. Осведомители дали наводку: подсказали, по какому адресу тот лежит, бездыханный от черных дел и порочной жизни. Возмездие неотвратимо. Опера собралась и пошла, пешочком, потому что машины, конечно же, им никто не дал.

По дороге завернули в подвальчик. Он, может быть, физически и не был подвальчик, но по внутренней сути соответствовал всему подвальному, цокольным этажам души.

Взяли по двести, потом еще по четыреста. Потом еще по чуть-чуть. Как у Кролика в гостях – «и они посидели еще немножко, и еще немножко, и еще немножко».

– А, хер с ним, с преступником. Давайте не будем его сегодня задерживать!

Это решение созрело давно; требовалась внутренняя химия, чтобы его сформулировать и озвучить.

Вернулись в отделение утром, усталые. Честно сверкая глазами, сказали, что ездили, были, сидели в засаде, но дверь им не открыли – видимо, почуяли что-то звериным чутьем.

– Вы хоть своим-то, своим-то не пиздите, – сказали в ответ. – Своим-то зачем пиздеть?

Оказалось, что злодея уже прищучили, и совсем по другому адресу. И уже выбивают из него демократизатором чистосердечную явку с повинной и раскаяние на десяти страницах. А тот адрес был неправильный, там школа находилась.

3. Кошунство

«Он теперь будет думать, что муровца напугать может!» – примерно так орал Жеглов, имея в виду Фокса.

Но муровцы тоже люди. Их можно напугать, не все им подвластно.

Однажды Роман, свободный почему-то от милицейского дежурства – а может быть, и не свободный, прогуливался с товарищем по Старому Арбату.

И сел посидеть на урну. Устал.

Он ведь, брат мой Роман, очень большой – метр девяносто ростом, а весом – вообще страшно подумать. Понятно, что ноги гудят.

Только присел, как сразу пришлось вставать. Подбегает какой-то лохматый, строгий, похожий на хиппи:

– Встаньте сейчас же!

– ???

– Это наша урна! А вы кошунствуете! Уходите скорее! А не то, не дай бог, сейчас Магистр придет!

Ну, против лома нет приема. Ушли, опасливо озираясь.

4. Зову я смерть – мне видеть невтерпеж

Люди-менты, с которыми работал Роман, были самые обычные: Денис, Остап, Будулай. Но был и самородок: доктор Золотарев. Он и в самом деле был доктором-психиатром, разъезжал на «скорой» и вдруг, по диковинному капризу сознания, осиротил медицину и обогатил своей персоной милицию.

Особенно переучиваться не пришлось.

Доктор Золотарев знал много интересного и поучительного. Однажды – не знаю уж, в какой из жизней, милицейской или врачебной, он с этим столкнулся – пересказал от лица пациента местного дурдома мистический случай. Пациент лежал с белой горячкой, но дело, конечно, было серьезнее. У нас принято рядить в сумасшедшие людей, приобретших опыт общения со сверхъестественным.

Вот что рассказывал этот несчастный.

– Стою я на трамвайной остановке и вижу – Смерть! Стоит рядом, костлявая, глазищи – во! Ну, я повел ее к себе, домой. Привел. Только собрался трахнуть, а тут мои пришли. Вот я и здесь!

5. Имидж – ничто, жажда – все

Доктор Золотарев, перекрасившийся в столичные менты, пил в день четыре бутылки водки.

Я не поверил.

– Не может быть, Роман, – сказал я жестко. – У нас, знаешь, тоже не ангелы были в больнице. И сам я не ангел. Не бывает такой работы, чтобы беспрепятственно жрать четыре бутылки. Всему есть предел.

– Я сам не верил! – клялся Роман. – Но он умел.

Однажды доктор Золотарев, еще в его медицинскую бытность, явился по вызову на дом.

– Где врачу руки помыть? – спросил он строго.

Кудахта, его затолкали в ванную, показали полотенце.

Оставшись один, доктор Золотарев вынул ноль-семьдесят-пять и выпил всю.

И забыл, зачем приходил. Молча вышел из ванной и ушел.

6. Изолятор дяди Тома

– А что, Роман, – спросил я, задумываясь о национально-этнических материях, – случилось ли тебе задерживать негров?

– А как же, – обрадовался брат. – Был такой, на нашей женился!

Наша соотечественница, на которой женился негр, была учительницей. И начались у них мир и любовь, доходившие до идиллии. Пока к молодоженам не пришел мужнин товарищ. Оказалось, что в этом этносе существует обычай делиться женой со всяким входящим. Нет, не ищите во мне расистских намеков на гастрономические обычаи – делиться не в смысле пищи, а в универсальном, общечеловеческом смысле совокупления.

Учительница не до конца прониклась этой традицией и отказалась, так что ее задушили.

– А стё я сделал не так? – изумлялся муж, доставленный к Роману.

Я указал Роману на то, что все случившееся – отпетая ксенофобия и кросс-культурная нетерпимость, если не что похуже.

– За что же ты закрыл негра? – пытал я Романа.

Брат, довольный, смеялся и рассказывал дальше, уже про немцев.

Эти немцы строили отделение Сбербанка и наняли каких-то гастарбайтеров, южных и местных тоже, которые сразу же украли у них мыло и что-то еще.

Возмущенные немцы явились в милицию, требуя найти злодеев.

– Они что, не понимают? – изумлялся Роман.

– Ты же не понял негра, – заметил я.

К этому намеку брат остался глух.

– Мне надоело, и я повесил на стену портрет Жукова, – закончил Роман. – Они перестали приходить.

7. Все флаги в...

– Ну хорошо, – сказал я Роману. – С неграми и немцами понятно, разобрались. А кого ты еще забирал? Из гостей столицы?

Брат охотно признался, что не раз забирал выходцев из южных республик.

По ходу рассказа я обратил внимание на то, что в милиции почему-то нет никакого национального вопроса. Едва он возникает, как сразу решается в рабочем порядке и в памяти не задерживается.

Некий азербайджанец, по словам Романа, явился постоянно жить и насиловать пожилых женщин. Тащил их в гараж и забивал им куда ему надо железную трубу.

Когда дорогого гостя взяли, в кабинет к Роману выстроилась очередь из желающих этого гостя допросить.

Роман воспользовался демократизатором – дубинкой, если кто не знает. Прочистил ею преступный желудочно-кишечный тракт. Сначала снизу, а потом, без паузы – сверху.

– Дай мне кинжаль!.. я зарэжусь...

Справедливости ради добавлю, что и к братьям-славянам тоже, случилось, стояла очередь.

8. Репа

Но если с ментами по-человечески, то и они, бывает, реагируют по-человечески.

Однажды произошел некий торжественный праздник по случаю Хо Ши Мина.

И целая толпа каких-то взволнованных людей оставила под его памятником цветы, много. Я вообще-то не уверен, что это ему исключительно памятник, я этот памятник видел – там высечен-выкован косоглазый богатырь, сидящий на корточках, но уже привстающий в национально-освободительном пафосе. Полуголый, конечно, потому что все такие богатыри живут почему-то очень бедно. При всем уважении к Хо Ши Мину – ничего общего, кроме свободолюбия. И надпись-цитата: что-то насчет того, что нет ничего дороже независимости. Двусмысленная фраза.

А возле памятника ошивался бомж Репа, и он заметил цветы.

Говорит Роману и его напарнику:

– Вы бы спиной повернулись, а я цветы соберу.

Ну, менты гуманно отвернулись, и Репа обрадованно взялся за дело.

А потом в отделение явилась целая возмущенная делегация. Из тех, кто наиболее активно возлагал.

– Найдите вора!

Пошли. Видят: лежит Репа, с двумя бутылками водки. И говорит:

– Мне бы в вырезатель, помыться.

Так что составили акт, чтобы все было по закону: «Задержан Репа...»

Все счастливы.

9. Високосный год

– А вот однажды мы поймали людоедов, – разоткровенничался брат.

Эта история заслуживает отдельного развернутого рассказа, который, может быть, и будет написан. Я только опасаюсь, что меня упрекнут в пресловутой ксенофобии, нетерпимости к чужим гастрономическим обычаям, людоненавистничестве и едоненавистничестве. Про пидоров, например, и говорить не хочу, а ведь Роман их целое гнездо расколошматил, они детей втягивали в орбиту своих сфинктерных интересов.

Так вот: осень 1996 года. В квартире засели два рыла: некий бомж, ошивавшийся там по знакомству с дедом-хозяином, и его гость, семейный человек. Отдыхали, закусывали. Вдруг раздается звонок: какой-то молодой человек ошибся дверью. Шел выше, с двумя бутылками бухла. Отдыхающие и говорят ему: «Чего ты будешь пить свое бухло где-то там? Давай ты его с нами будешь пить!» Тот согласился, подсел к столу. Бутылку выпили, а вторую он им не дал, тогда они с криками «Бухло для братвы зажимаешь, падло!» затеяли его топтать и топтали часа два.

– Ну, все, – говорит один. – Выкидываем его.

– Нет! – возражает другой. – Он нас заложит! Давай-ка его кончать!

Ну, раз братан захотел, так тому и быть. Поволокли в ванную, перехватили горло бутылочной «розочкой», распороли живот. Первый выкроил печенку, а второй уже приплясывает рядом, со сковородой.

Труп сволокли во двор, закидали осенними листьями. Вернулись, сообразили: «Нет! Пойдут собачники гулять, и собаки нароют, чего не надо». Исправились: оттащили гостя к ближайшей школе и бросили в люк, где теплотрасса. И тем утешились. Пожарили внутренность, покормили ею девиц, которые пришли мыть-убирать – 14 и 18 лет, обе неграмотные; и деда покормили, и собаку покормили – всем доставили удовольствие.

Бомжа Роман взял первым. Тот поначалу отнекивался, и Роман приложил его к сейфу головой, два раза. Тогда в арестанте проснулись таланты, и он написал на восьми страницах «чистуху», со всеми подробностями, которыми откровенно упивался.

– Этот фрукт нам очень помогал на допросах, – сообщил Роман. – Если кто вздумывал упираться, мы обещали посадить его к людоеду. А тот и вправду все ныл, да ныл: «Ребята, чего-то есть хочется». А мы ему: «Ну, извини, дружище, наше меню тебе не понравится».

– Раздел я его, – продолжал Роман. – Он стоит, весь в пятнах каких-то. «Это что?» «Да это сифилис».

Подельника забирали из семейного общежития. Там стояла прочная железная дверь, и никто не знал, как ее вышибить. Уже хотели звать черепашек-ниндзя, но тут один опер – Денис, по-моему, – разделся до трусов, начал покачиваться, колотить в дверь и орать:

– Волллодя!... Давай водку жрать!...

Это было предложение, от которого нельзя отказаться. Загремели засовы, и хозяин, к немалому изумлению жены, немедленно заработал в табло, а браслеты ему надели еще в полете. Жене позже, когда ей в общих чертах рассказали, что к чему, сделалось не по себе, но и черт с ней, раз у нее любовь такая злая.

Семьянина повезли на заслуженный отдых. В машине Роман завел с ним разговор:

– Послушай, – сказал брат, – я все понимаю. Ну, выпили. Ну, поссорились. Ну, подрались. Ну, убил. Но зачем же ты ел?

Тот очень долго размышлял. Потом удивленно развел руками:

– Високосный год!..

10. Йодная сеточка

Бывший доктор Золотарев до службы в милиции прошел школу, достаточную для работы с любимыми людьми.

Орудя в системе московской скорой помощи, он ездил на всякие вызовы и кое о чем впоследствии рассказывал.

Однажды, например, возникла банальная ситуация. Некая вредная пенсионерка терроризировала подстанцию, заставляя кататься к ней ежедневно, если не чаще.

И вот поехал Золотарев.

Бабушка квакает:

– Подновите мне йодную сеточку! Так хорошо!..

«И спускает, – рассказывает доктор Золотарев, – свои сраные панталоны. А там, на жопе, написано йодом слово из трех букв, уже побледневшее. Ну, я подновил, к ее удовольствию и бесконечной благодарности».

11. Импортные тараканы

Устраиваясь на работу в милицию, доктор Золотарев хорошо понимал, что нажитых навыков не растеряет.

Первым пожаловался Денис. Называю его условно, персоналии не так важны.

Денис был недоволен действиями американских парашютистов, которые испортили в отделении милиции связь.

Доктор Золотарев лечил его, как и всех остальных, пенициллином. Так он называл водку.

Вторым занемог Будулай, встревоженный нашествием импортных тараканов.

Потом настал черед моего Романа. Роман явился на службу с тяжелой головой и сразу увидел маленьких черепашек, которые резвились у него на столе. Стараясь не привлекать внимания, Роман стал осторожно сбивать их щелчками.

Доктор Золотарев, сидевший напротив, пристально следил за Романом.

– Что, теперь и у тебя?! – не выдержал он.

Повел, полечил.

Сам доктор Золотарев сдался последним и увидел ящериц.

12. Если где-то человек попал в беду

У одного военного майора случилась беда: неизвестные негодяи сняли колеса с его запорожца.

Несчастный побежал в милицию.

Он как раз сидел и давал показания Левченко, когда вошел Роман.

Левченко возбудился и полез в стол за бутылкой.

– Рома, ёбнешь?

– Да.

Роман подошел и с силой врезал майору по шее.

Потом, конечно, наступило идиллическое примирение, и все они ёбнули, благо их как раз трое было.

13. Кого ты хотел удивить?

Специфика службы вынуждала Романа дружить с патологоанатомом из ближайшего морга.

Доктор был ласков и иначе, как «Ромушка», к Роману не обращался.

От доктора ушла жена, которой не нравилось, что тот постоянно пьет.

– А мне это нравится, что ли? – негодовал доктор.

В один из рабочих визитов Роман не выдержал:

– Ну и запах у вас, – изрек он сдавленно. – Я сейчас прямо здесь сдохну.

Взлет бровей:

– Ромушка, а кого ты тут этим удивить хочешь?

14. То ли люди, то ли куклы

Ночь, улица, фонарь – разбитый, конечно. Аптеку на фиг.

Поступил ложный вызов: изнасилование, которое если и было, то как в анекдоте – контрольное в голову.

Роман и группа здоровья прибыли в общежитие; на месте происшествия обнаружилась разнузданная молодежная оргия. Милиционеры пришли в неопишемую ярость. Набросились на генерацию «П», раздраконили, пригрозили расстрелом с последующими пытками.

Кое-что конфисковали: преступный парик, сдернутый походя, и резиновую женщину, которая там почему-то была, заодно со всеми. Кто-то пригласил и забыл, даже не потанцевал.

Свалили все это дело в отделении.

Утром Роман явился на службу, а там – сюрприз.

Друзья усадили резиновую женщину за его рабочий стол, надели парик и еще веник засунули кое-куда.

Потом, конечно, ее трахнули – не все, но избранные, которых мало, хотя и званых было немного.

15. Операция «Арсенал»

В Москве проводилась очередная операция «Арсенал». В ходе такой операции обязательно надо найти оружие или хотя бы боеприпасы. Ну, полгода ничего не находили, а в этот день найди! Окажешься в сводке, и еще будешь героем дня. А если в другой день, то не будешь героем дня. Поэтому Романа вызвал Бойков, его начальник. Брат, мучившийся с похмелья, вошел, напихав полный рот жвачки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.